

М И Р К Л А С Т Е Р О В

**КЛАСТЕР ВЕРДА:
ПЕРВОЕ ПРАВИЛО КРОВИ**

•

**КЛАСТЕР ДЖЕРБА:
ВТОРОЕ ПРАВИЛО КРОВИ**

•

**КЛАСТЕР ВОЙВОД:
ТРЕТЬЕ ПРАВИЛО КРОВИ**

АБСОЛЮТНОЕ

О Р У Ж И Е

АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН

**КЛАСТЕР ВОЙВОД:
ТРЕТЬЕ ПРАВИЛО КРОВИ**

МОСКВА
2 0 1 6

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Разработка серийного оформления
художника *А. Саукова*

Серия основана в 1996 году

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Калугин, Алексей Александрович.
К17 Кластер Войвод: Третье правило крови / Алексей Калугин. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с.— (Абсолютное оружие).

ISBN 978-5-699-85347-2

Операция в Кластере Верда успешно завершена. Но проблем от этого у Валтора Прея не становится меньше. Нужно спасать двух рамонов, пропавших в Лунном Карантине. Нужно найти способ борьбы с чудовищами айвурами, которые становятся сущей напастью для всего Треугольника Кластеров. Ну, а самое главное, необходимо найти способ вернуть к жизни андроида Иону Пурпура, чей срок существования по чисто техническим причинам подошел к концу. За ответами на все эти вопросы рамону вновь предстоит отправиться в Усoppiе Земли. Но Третье правило крови, которое ему предстоит там узнать, не сделает его жизнь легче...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85347-2

© Калугин А., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Мрак поглотил мир. Густой, как кисель. И тяжелый, как свинец.

Казалось, из-за этого каждое движение требует дополнительных усилий.

Рука медленно шла вверх, затем так же медленно совершала круговое движение в сторону и, наконец, плавно опускалась вниз.

Полшага вместо шага.

Стопа скользит по тихо шуршащей траве, над самой землей.

Если шагать быстрее, можно споткнуться и упасть. Запросто.

Или того хуже — напороться на ветку.

Если есть желание остаться без глаза — прогуляйтесь темной ночью по лесу.

Хотя такой темноты даже безлунной ночью не бывает.

Звезд на небе — и то не видно.

Одно слово — Усопье.

Два — Усопшие Земли.

А светляки где?

Где, спрашивается, светляки, которые обязаны порхать вокруг кустов темной ночью, чтобы хоть так порадовать заплутавшего путника?

Виир Хамерхаузен отвел в сторону пойманную на ощупь ветку и крепче сжал руку Регины. Так они заранее договорились, чтобы не говорить попусту.

Они прятались в темноте. А тот, кто прячется, должен хранить молчание.

Почувствовав, что Регина перехватила ветку, Виир отпустил ее.

Выбитое плечо все еще болело, но уже не так сильно, как прежде. С ноющей болью можно было смириться. К ней даже можно было привыкнуть. Настолько, что перестать обращать на нее внимание.

А вот со страхом ничего невозможно было поделаться.

По-счастью, это был не панический ужас, лишаящий рассудка, и не липкая жуть, склеивающая члены, а вполне оправданный, можно даже сказать, рациональный страх, заставляющий оставаться предельно внимательным и собранным.

Главное — не расслабляться.

Ни на минуту.

Ни на миг.

Темной ночью они шли по Усопшим Землям. Из оружия у них имелся только Регинин пистолет и выкидной нож, что лежал в кармане Хамерхаузена.

Фонаря, и того у них не было.

Впрочем, включать фонарь все равно было опасно. Яркий свет привлекал местную живность, чье поведение отличалось не только предельным любопытством, но и крайней агрессивностью. Как будто все они неделю ничего не жрали и теперь готовы были наброситься на все, что кажется хотя бы мало-мальски съедобным.

Например, на пару рамонов, которых занесло сюда не просто по воле случая, а по самому невероятному стечению обстоятельств.

Хотя, с другой стороны, это можно было назвать и чудом. Потому что на самом-то деле они должны были быть мертвы. Гравитационные мины разрывают в клочья все, что оказывается в зоне их поражения.

Им повезло.

Повезло?

Ну, да, чертовски повезло!

Возле самого кордона айвур подкинул вверх квад, в котором они находились, и это снизило поражающий эффект гравитационной мины. Квад крепко покорежило. Айвура разорвало на куски. А Хамерхаузен с Региной оказались по другую сторону кордона — в Усопших Землях.

Прогулка по Усопью вовсе не входила в их планы. Они были к ней не готовы. Но вернуться назад они не могли.

Остаться возле горящего остова квада было смерти подобно. На свет огня и запах горелой резины живенько начали сползаться местные твари, одна другой противнее. Единственным шансом на спасение оставалась попытка затаиться в темноте. С тем чтобы, когда рассветет, вернуться к кордону в надежде, что спутники станут их искать и, может быть, задержатся до утра. Все вместе они придумают, как им пересечь кордон в обратном направлении. Валтору ведь это удалось. Правда, как именно, Прей так и не рассказал. Ну, да ладно, не один же он такой башковитый.

Вот только для того, чтобы вернуться туда, где лежал сгоревший квад, нужно было сначала дожить до рассвета. А что-то подсказывало Виуру, что сделать это будет совсем не просто. То, что до сих пор они не столкнулись нос к носу ни с одним из обитателей Усопших Земель, многие из которых наверняка ори-

ентировались в темноте гораздо лучше людей, ровным счетом ничего не значило. Хищник мог неслышно следовать за ними по пятам, выбирая момент для нападения. Или, затаившись, ждать, когда они сами к нему придут. Смерть в Усопье не должна была красться на двух или четырех ногах. Она могла упасть сверху и даже вырасти из-под земли. В общем, вариантов сгинуть предоставлялось много. Гораздо больше, чем шансов на спасение.

Но пока они еще были живы. А значит, игра в прятки со смертью продолжалась.

Вывернувшаяся из руки ветка хлестнула рамона по лицу. Хамерхаузен невольно подался назад и что-то тихо прошипел сквозь сжатые зубы.

Из темноты послышалось ответное шипение. Тихое, но вполне отчетливое.

Хамерхаузен замер.

Затаился.

Попытался представить, будто он вообще перестал существовать.

Кто-то из старых рамонов рассказывал, что дикие звери реагируют на некие биотоки, излучаемые мозгом. Если ты сам сумеешь убедить себя в том, что ты мертв, то и зверь в это поверит. А падалью хищники не питаются.

Хотя не исключено, что это только рамонская байка. Хамерхаузен ни разу не встречал человека, которому действительно удалось таким образом обмануть зверя. Пусть даже обычную домашнюю кошку.

Шипение послышалось снова.

Но откуда оно доносилось? Хамерхаузену вновь не удалось определить направление.

Должно быть, виной всему была темнота, будто обволакивающая тело рамона и полностью дезориентирующая его. Хамерхаузен сам себе казался похожим на хрупкую стеклянную вещицу, обложенную плотным слоем ваты и убранную в коробку. Где про нее могли и вовсе забыть. Как можно было понять, откуда доносится шипение, если он не мог определиться даже с собственным местоположением в пространстве.

Где тут верх, а где низ?

Где земля, а где небо?

Сколько им еще суждено было пройти до того, как затаившийся во мраке хищник бросится на них, чтобы сомкнуть зубы на горле?

Хотя почему именно хищник?

Придерживая в темноте ветки руками, он запросто мог схватить вместе с веткой ядовитую змею.

Или огромная сколопендра могла упасть за шиворот.

Хамерхаузен невольно поморщился — мерзость-то какая!

Стать твою, куда они вообще направляются?

Регина, наверное, думает, что Хамерхаузен знает ответ хотя бы на этот вопрос.

Но нет, он тоже не в курсе.

Если бы не проклятущая темнота!..

Снова шипение.

Зловещее, как щелчок взведенного курка.

А затем — негромкий стрекочущий звук. Как будто кто-то несколько раз резко встряхнул пустую, высохшую тыкву, внутри которой труха и семечки.

— Отпусти мою руку, — шепотом произнесла Регина, едва не касаясь губами уха Виира. — Ты делаешь мне больно.

Не замечая того, Хамерхаузен все крепче сжимал руку девушки.

— Извини. — Виир ослабил хватку.

— Почему мы стоим?

Хороший вопрос, твердь твою!

Хамерхаузен и сам не отказался бы узнать на него ответ.

— Тебе страшно?

С чего это она взяла?

Да что вообще себе позволяет эта рыжая!

Хочет сказать, что ей все абсолютно побоку: мрак, хищные звери, зловещее шипение?..

Усопье, суть его!

— Ты слышишь?

— Что?

— Шипение.

— Да.

Она произнесла это «да» таким обыденным тоном, как будто в доносящихся из темноты зловещих звуках не было ничего необычного. Как будто это были самые естественные ночные звуки вроде комариного писка.

— Тебе это не кажется... странным?

— Почему?

— Ну, не знаю...

Что рыжая по-настоящему умела, так это ставить своими вопросами собеседника в тупик. Как к глухой стенке для расстрела. Разве что только глаза не завязывала. Хотя какой смысл делать это в темноте?

— Ты знаешь, что это такое?

— Стать твою, — не сдержался Хамерхаузен, — откуда, по-твоему, я могу это знать? Ты думаешь, я каждое воскресенье выезжаю в Усопье на пикник?

— Не шуми, — строгим голосом осадила его Регина.

— Не доставай меня.

— Ты рамон или кто?

— У тебя есть причины для сомнений?

— Рамон не станет париться из-за ерунды.

— Из-за какой ерунды?

— Да из-за всякой.

— Послушай-ка, детка. — Хамерхаузен повернулся к Регине лицом, хотя в поглотившей их темноте лица девушки все равно не было видно. — Или ты перестаешь язвить по любому поводу, или...

— Я тебе не детка.

— Но ты и не рамон.

— Я спасла тебя от черного мешка со щупальцами.

— А я вытащил тебя из пасти плотоядного цветка.

Словесная перепалка не становилась менее яростной от того, что велась едва слышным полусшепотом. Хотя со стороны это, наверное, выглядело забавно. Если б было кому смотреть.

— Разбежимся в разные стороны?

— Зачем?

— Посмотрим, кто доживет до рассвета.

— Ты чокнутая.

— Да. И что с того?

Хамерхаузену было что ответить, но прежде, чем он успел произнести хоть слово, что-то коснулось его плеча.

— Убери руку, — ненавидяще прошипел Виир.

— Какую?

— Левую.

За правую он ее держал.

Раздался негромкий щелчок пальцев.

— Вот она!

Хамерхаузен замер, боясь пошевелиться.

Воображение уже нарисовало предельно жуткую картину происходящего.

— Тогда что лежит у меня на плече?

Это могла быть огромная змея, готовая обвиться вокруг шеи. Или щупальце гигантского осьминога.

Осьминоги живут в воде?

Да что вы говорите!

А это сухопутный, может быть, даже древесный осьминог!

Рухнувшие небеса! Это ведь Усопшие Земли!

— Не знаю, — с невозмутимым спокойствием ответила на рыжая. — Хочешь, чтобы я проверила?

— Не трогай! — едва не в полный голос воскликнул рамон.

— А что такого?

Регина прикидывалась или на самом деле не понимала, насколько опасно их положение?

Виир снова услышал знакомое шипение. На этот раз можно было не гадать, откуда оно доносится — звук раздавался возле правого уха.

— Это ты шипишь? — спросила Регина.

— Нет.

— Тогда... Виир...

— Да?

— У тебя на плече что-то светится.

Осторожно, не поворачивая головы, Хамерхаузен попытался скосить взгляд, чтобы увидеть то, о чем говорила Регина.

— Ничего не вижу.

— Хочешь сказать, что я вру?

— Я просто сказал, что ничего не вижу.

— Ну, знаешь, чтобы не увидеть это, нужно быть слепым.

Хамерхаузен стиснул зубы. Он все же решил не поворачивать голову. Тот, кто сидел у него на плече, пока вел себя спокойно. Но мог среагировать на движение. Виир вовсе не хотел, чтобы его укусили за щеку или за нос.

— Что там?

— Красный крест.

— Что?

— Крест красного цвета. Что непонятно?

— Он лежит у меня на плече?

— Если бы я еще видела твое плечо... Я вижу только красный крест в кромешной тьме.

Светящийся красный крест в темноте — это здорово отдавало совсем уж несусветной дичью. Хамерхаузен даже думать не хотел о том, что у Регины что-то там не в порядке с головой. Но временное помутнение разума — такое ведь с каждым может случиться. Рыжую не так давно чуть было не съел плотоядный цветок. Хамерхаузен вытащил ее буквально из пасти этой твари, всю, с ног до головы перемазанную мерзко слизью. Шок, потеря ориентации в пространстве — после такого можно не только светящийся крест в темноте увидеть.

А что, если и он сам...

Хамерхаузен начал медленно поворачивать голову.

Со стороны плеча вновь раздалось шипение. На этот раз отчетливое и громкое, похожее на предупреждение.

И тут Виир почувствовал, что его переполняет уже не страх и даже не досада, которая какое-то время была спутницей страха, а злость. Самая настоящая злость.

Злость на этот лес, по которому они тащились незнамо куда, на темноту, из-за которой невозможно было сориентироваться, на всех этих тварей, ползающих, прыгающих и летающих, что прятались в темноте и издавали пугающие звуки, потому что в темноте, стать твою, все звуки звучат пугающе! Злость на Регину, в которую будто вселился бес противоречия, из-за чего с ней ни о чем невозможно был спокойно договориться. Злость на себя самого за тот страх, что превратил его в параноика, прячущегося от себя самого в углу за комодом.

Хамерхаузен выпустил руку Регины — Виир! — и быстро провел ладонью по правому плечу, чтобы наконец убедить себя в том, что там ничего нет, кроме его собственных фантазий.

Тварь, сидевшая на плече, оказалась размером с белку. Но шкура у нее была голая и влажная. Она даже не пыталась удержаться на занятом месте. Но перед тем, как упасть, цапнула рамона за мизинец.

Зубы у нее были мелкие и острые, как иголки. Виир невольно вскрикнул от боли. А в следующую секунду он почувствовал страшную, обжигающую боль, как будто в кровеносные сосуды всей кисти ему впрыснули крутой кипяток.

Боль быстро поднялась до локтя.

А затем рука онемела.

Боли не было. Но руку ниже локтя Хамерхаузен не чувствовал.

— Виир?.. Ты здесь?

— Ну, а где еще я могу быть? — раздраженно буркнул в ответ Хамерхаузен.

— Почему ты отпустил мою руку? — Рамон почувствовал, как пальцы девушки коснулись его груди. — Виир?..

Она была не напугана, а лишь недовольна тем, что происходит что-то, чего не было в ее собственных планах.

Хотя какие у нее могли быть планы?

У них обоих был один план — выжить.

Выжить любой ценой.

Хотя, если подумать, стоило ли оно того? Ну, в смысле, борьба за существование и прочая дребедень.

Чему равнялись их шансы на выживание?

Смог ли хоть кто-то выжить в Усопших Землях?

Помимо Валтора Прейя, разумеется.

Валтор — это особая статья. У этого рамона вообще потрясающие способности к выживанию в любых, самых нечеловеческих условиях. Если бы не он, в Кластере Джерба сейчас уже не осталось бы ни одного живого человека. Зато мертвецов было бы полным-полно.

Да уж, Валтор Прей — это что-то.

К тому же спутником Валтора во время его путешествия по Усопшим Землям был андроид Иона. Который тоже парень не промах.

А Хамерхаузену приходилось довольствоваться обществом вздорной рыжей девицы, возомнившей себя рамоном.

— Где твоя рука, Виир?

Правой рукой Хамерхаузен ощупал левое предплечье.

На ощупь левая рука была как обычно. Температура кожи нормальная, мышцы не сведены судорогой. Но при этом ниже локтя рука ничего не чувствовала. Наверное, даже если бы он вогнал в нее нож, то все равно не почувствовал бы боли. А вот выбитое плечо по-прежнему ныло.